

18+

1,618 ЖИЗНИ

Никита Замеховский-Мегалокарди

Никита Замеховский-Мегалокарди
1,618 жизни

«Издательские решения»

Замеховский-Мегалокарди Н.

1,618 жизни / Н. Замеховский-Мегалокарди — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-626054-2

Мы прежде всего люди Планеты, а потом уже города или офиса, и самое важное в жизни для нас, как правило, оказывается самым незаметным. Перед вами сказка для взрослых, ищущих конечную цель — гармонию с самим собой. Что такое череда картин природы, доверие к ней как не путеводная карта жизни, от которой мы зачастую отмахиваемся в пользу невнятного компаса сиюминутных потребностей, приводящего только к пустоте души? Эта книга напоминание о том, что 1.618—«золотое сечение» — есть и у наших судеб.

ISBN 978-5-00-626054-2

© Замеховский-Мегалокарди Н.

© Издательские решения

1,618 жизни

Никита Замеховский-Мегалокарди

Иллюстратор Евгения Гладкина

Редактор и корректор Диана Фаттяхова

© Никита Замеховский-Мегалокарди, 2024

© Евгения Гладкина, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0062-6054-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

За окном густо зашелестело дерево, повело ветвями, словно хотело опереться о стену, выпростать из земли свои корни, забраться на дом, чтобы с крыши дотянуться до облаков, а может и полететь к ним, за ними, в серебро высокой дали. День набрал высоту, потек долгим, как медовые соты, тяжелым теплом, и Ветру уже было не разойтись. В густоте воздуха он разложил по полям, пляжам и крышам свое тело, полы одежды, руки, волосы. Смотрел в ослепительное море, и только один его непокорный локон зацепился за какой-то флюгер, и тот, поскрипывая, водил поржавевшей стрелкой, как старая собака носом, из стороны в сторону, потеряв направление. Цикады кричали так неистово, будто зной возвещал о приближении чего-то, что они ожидали от начала творения. Земля спала тяжело, сухо отвердев сверху, словно губы от жажды в полуденный сон.

– Мальчишка не знает меры... – опершись о подоконник, прошелестела Тень.

Волшебник, не отрывая глаз от листа, на котором сосредоточенно писал, вытянув губы, слегка кивнул.

– Он несносен, взялся высушить всё... Трава хрупка как прах, как прах... – патетически раскачиваясь, продолжала Тень.

– На то он и Июль, – всё еще не поднимая взгляда, проговорил Волшебник.

– От блеска его воздушных змеев даже у бабочек кружатся головы!

Волшебник отнял глаза от бумаги, вставил перо в чернильницу и, подавшись в сторону окна, глянул на Тень:

– Вам-то, собственно, что от этого? От его света ваши лохмотья становятся только гуще! – и снова вернул взгляд к столу.

Слышно было, как ошалевший от жары жук, прогудев, стучается в стекло, будто за стеклом, за ним, прохладным, и мир не так раскален и неподвижен.

Тень, поджав губы, качнулась вслед за веткой от окна и осталась там, у клумбы, на которой жарко пламенели стойкие к зною мальвы, словно ей мальвы нравились или она в них что-то понимала. Волшебник, перечтя строки, попытался вернуть то неуловимое как пух состояние, когда мысли легко укладываются на бумагу. Наконец поймал и потянулся к перу.

На его столе всегда стояло несколько стаканов с карандашами и ручками, элегантная печатная машинка высилась за ними, и с краю, тонкий, серебристый, как сентябрь, компьютер неизменно светил какой-то лампочкой. Но Волшебник, хотя и пользовался для письма всем этим, в зависимости от настроения или сути записываемого меняя цвета, шрифты и принадлежности, перу доверял больше всего.

Когда бумага лежала, раскрыв объятия строке навстречу, лежала словно нагая, зовущая, и тот маленький, дерзкий и черный, что жил в старой бронзовой чернильнице, прыгал на нее

с пера и целовал, целовал страстно, останавливался, перечеркивал и снова покрывал буквами, тогда Волшебнику казалось, что он летит. Летит быстро и уже не сам водит пером, а тот крохотный, черный и неумный несет, словно конь! Уже сам бросает и бросает больные поцелуи на груди листов, строя строки. И тогда Волшебник отнимал руку от написанного, отчего по спине у него проходили мурашки, словно он совершил что-то кощунственное или внезапно проснулся, и смотрел как неукротимый крошка, сияя глазом, цепляется сильно за кончик пера, чтобы не сорваться, не разбиться безобразной кляксой, и вернуться к бумаге, в ее объятиях снова понестись, обрести власть и смысл.

Волшебник сравнивал с собой этого неумного черного дикаря, запертого в толстых узорчатых бронзовых стеночках. Сравнивал потому, что сам так же, бывало, обретал власть над миром в объятиях.

Да, достаточно было порой просто ощущения ладони в ладони, полученного накануне сообщения, ощущения от мимолетного поцелуя в угол губ. До этого словно сидел запертый в стенки себя, как чёрный в своей чернильнице, но легкое касание словом ли, пальцем ли, губами делало брешь, и сквозь нее он врывался в мир, видел его другим и там носился все-сильным написать всему любую судьбу! Хотя иногда те же губы, что прежде целовали, закрывали эту брешь произнесённым, а иной раз и не произнесённым словом, и он, вырвавшийся из себя в просторный мир, замечал вдруг, что это не он видел мир другим, это и правда не его мир, это другой. И тогда ох как хотелось вернуться в себя. Только это было так же трудно, как вернуться черному в чернильницу, если она опрокидывалась. Какую-то часть собрать, обратно влить удавалось, но какая-то навсегда оставалась в том, другом, мире. И тяжело было не только от того, что вернувшись в себя, в себе бултыхался, заполняя себя же только наполовину, было мутно и от того, что тот, другой мир ты собой наверняка запятнал.

У Волшебника не всегда находилось время на переписку, не говоря уже о дневниках, комментариях и описаниях опытов, так как во всякое время в его доме могло появиться множество гостей. Они были разными: молодыми, зрелыми, новорожденными или даже древними. Все они бродили по комнатам, занимали библиотеку или просто слонялись по коридорам. Некоторые ходили по стенам или потолку, потому что так им было привычнее, и тогда их променад создавал помеху тем, кто прохаживался по полу или пил чай, сидя в кресле.

Вообще в его доме были приняты ежевечерние чаепития. Никто кроме как «дом» жилище Волшебника не называл; в разговорах ли, в записках друг к другу, договариваясь о встрече у него, спрашивали «Вы будете сегодня в доме?» или «Я сегодня до восьми в доме, потом в залив».

Тем, кому яркий свет не был мил, в углах, завешенных тяжкими старинными шальями, горели китайские фонари, для тех, кому просторы были ближе, на террасу распахивались двери, чтоб синего воздуха сумерек входило в комнату как можно больше.

Шелестели разговоры, на желтые ковры ступали ноги в туфлях, башмаках, босые. На стеклах буфета малютки-блики игрались кубиками света, перебирая ножками, переползали на полированные колени мебели и к вечеру, потихоньку забравшись на стекла распахнутых окон, засыпали там, наигравшись звездными крошками. А за окнами в три стороны простор простирал ладони, упираясь ими в море, признающее над собой только светила и потому раскатывающее воды широко и вольно.

В три стороны расходились лучи, выпадающие поздним вечером из окон дома Волшебника: в сторону зовущего Востока, непостоянного Юга и таинственного Запада, на Север же выходила дверь. Волшебнику нравилось, открывая дверь, встретить его прямой взгляд так же, как нравилось иногда от этого тревожащего взгляда уходить – закрыть дверь и скрыться в недра дома за мягким щелчком замка.

Наконец комментарий был составлен, точка опустилась на страницу, крошка на кончике пера смирился с этим и затих, будто сговорившись с мыслями самого Волшебника, который вздохнул и вытянул ноги под столом.

Тень все еще стояла, отвернувшись, и упрямо разглядывала мальвы. Жук смирился с невозможностью пробраться в застеколье и, утомленный зноем и усилиями, ползал по подоконнику. Наверху, на карнизе, тихонько напевала горlinkка. Солнечные Зайчики, оттолкнувшись от чего-то на улице, прыгнули было в комнату, но тут же скакнули обратно – в прихожей один раз долго и второй коротко прозвонил звонок. Дверь отворили, послышался голос и кто-то уверенно пошел по коридору, вероятно, знакомым путем.

Волшебник обернулся всем телом на стуле, когда от легкого стука открылась дверь.

– Это я, – протягивая впереди себя руку и сделав два шага, проговорил вошедший. – Такой сегодня день, что мне почему-то решилось зайти к вам, хотя я был от дома на порядочном расстоянии.

– Здравствуйте... – Волшебник поискал что-то глазами на столе, кашлянул, потер пальцем переносицу, выдохнув, посмотрел в разноцветные глаза гостя и добавил: – мой... любезный друг... Когда расстояния были для вас преградой?

– Не скажу, что никогда, просто так вышло, что я их меряю не километрами, потому многим и кажется, что они для меня словно и не существуют, – подхватил вошедший.

– Хотите чаю? Хотя в такую жару... может, воды?

– А вы мне, пожалуй, плесните тишины. Помните, той, урожая конца года, который для вас стал прошлым? Мы ведь вместе собирали ее в ту осень, – усаживаясь в кресло и сплетая ноги в блестящих узких штиблетах, проговорил посетитель. – Помните?

– Да как забыть... Я, собственно, уже распорядился.

И действительно, дверь отворилась, кто-то незаметный на столик у кресел поставил небольшой серебряный поднос, застланный голубоватой твердой салфеткой, на которой стояли бутылка, похожая на графин, или графин, напоминающий бутылку, бокал и овальное блюдо со сливовым вареньем, сваренным прямо с косточками, отчего посреди сладости это варенье вдруг начинало горчить, и вышел.

– Я закурю, – скорее утвердил, чем спросил посетитель, делая глоток.

– Курите, у вас табак прошедшим пахнет. Мне это иногда нравится... Хотя, – усмехнулся Волшебник, – я, даже если и курил бы, то вряд ли рискнул одолжиться у вас папирсой.

– Не курите, мой друг, не стоит, – сказал посетитель, вынимая из темного портсигара длинную желтоватую папирсу, – не стоит... – приглушенно продолжал он, прикуривая от толстой спички.

Дым мгновенно окутал ему голову, и, опустившись к плечам, потек вниз по серому пиджаку, чтобы окружить спиралью ноги. Сквозь сизые пласты показалось, что седина на висках у него слегка светится. И через дым было бы невозможно разобрать его взгляда, будь оба его глаза серыми, как октябрьское утро было бы проще, но один был синим и часто глядел пристально до неловкости. Между тем, отставив руку с папирсой, гость продолжал:

– Расстояния, расстояния... вот вы слышите слова, верно? Для всех, для глаза, привычно отметить расстояние до предмета, а для меня привычно слова видеть, привычно отмечать расстояние от слова до слова, от фразы до фразы, от разговора до разговора. И в этих промежутках, иногда минутах, а иной раз и годах, я существую, они – мое время. И возьмем хоть бы и вас, мой уважаемый. Заметьте, чем дальше... Хотя нет – чем дальше вы от общения, тем ближе мне к вам. Тем чаще вы подходите к окну, открываете книгу, из строк которой словно вытек смысл, чаще смотрите в зеркало, наблюдая за собственным взглядом, чаще смотрите в море, находя в нем общее с тем, на что смотрели в зеркале.

Он затаился, обрывая свою речь, отложил папирсу в пепельницу и, посмотрев на часы, внезапно поднялся и сказал:

– Пора. Мне пора.

– Всего доброго, господин Одиночество, – вымолвил Волшебник, глядя сквозь окно в лежащее далеко море.

Гость слегка приподнял высокую бровь, от чего в какой-то почти улыбке подтянулся угол его рта, и уже от двери сказал:

– Это верно, это всегда верно, желать одиночеству быть добрым.

И вышел. От него остались только бокал с наполовину недопитой тишиной и иссякающая дымом прошлого папироса.

Тень за окном стала выше, немного прозрачнее и от того будто несколько рассеянее. Она уже забыла свою полуденную обиду, придвинулась снова к окну, Волшебник слегка поклонился ей, и она качнулась в ответ.

Свет стал менее ярким, стал похож на благородное зрелое золото, падал сквозь разрозненную листву акации, словно июль набегался за день и сел теперь под крону играть с травой. Ветер поднялся, вытянул руки, ладонью провел по морю, травам и подставил плечи голубям и чайкам. Внутри дома слышались голоса.

Сын, а может внук молочницы, которого помимо масла, сыров и сливок она привозила на трескучем, Волшебника раздражавшем мотороллере, неизменно вытаскивал из очага холодный уголек и начинал им широко расписывать беленые стены огромной, в пол-подвала, кухни, пока мамаша, сидя у стола, рассказывала что-то. Дом не обижался и, как только молочница забирала свое чадо, растворял эти непостижимые узоры в своей штукатурке. Но пока малец творил вокруг себя иное пространство, дом не мешал ему накладывать на мир свой отпечаток.

Волшебник достал из пучка новое перо, окунул в чернильницу и провел по манжете линию, от запонки вверх, будто записал настроение. Маленький и черный из чернильницы нырнул в накрахмаленную ткань и, уходя в лабиринт нитей, оставил за собой след, похожий на тот, что впитывал дом в свою штукатурку. Папироса, испустив язык синего дыма, перестала жить.

Напротив стола тускло светил притертыми пробками стеллаж с пузырьками собранных в разное время и в разных местах лучей, дней, закатов, рос, звуков, запахов, состояний – компонентов, необходимых Волшебнику для опытов. Сняв манжету, Волшебник положил ее на верхнюю полку рядом с разномастными флаконами.

Сбежать вниз: к морю, к пескам, к перемешанным с солью и лучами ракушкам. Он переоделся и вышел из дома, Север смотрел ему в глаза. Волшебник прошел за ограду, обогнул чугунные завитки, опутанные цветущим выюном, столкнулся лицом к лицу с Югом и сразу, будто птицы, на плечи к нему опустились звуки. Как птицы, они сновали у ног, словно он рассыпал им зерна внимания, а на море серебрились и танцевали блики.

Мир был здесь тот же, что и вчера, тот, что и завтра, все такой же единственный и настоящий.

– Приветствую, – проговорил Ветер, откидывая со лба прядь. – Как у вас со временем? Может, на часок в море?

– Не сегодня. Я просто пройду, не составите компанию?

Ветер покладисто кивнул, и вместе они зашагали вниз. Ветер катил рядом норовивший обогнать их старый, звенящий всеми частями велосипед, и что-то рассказывал. Так они дошли до набережной. Берег опускал свои нагретые камни в воду, и у камней она слегка волновалась, но в отдалении оставалась недвижимой, словно пользовалась тем, что Ветер, позабыв обо всем, рассказывает рассеянному слушающему Волшебнику какие-то свои истории.

Волшебник облокотился о перила, небо начинало синеть все гуще,

– Я оставлю вас здесь, раз в море вы не идете. – в конце концов сказал Ветер, взбираясь на свой дребезжащий транспорт. – Надо объехать заливы, я обещал наведываться к ним.

И, оттолкнувшись одной ногой, неловко повертев рулем, нажал на педали и стал набирать скорость, отчего разошлись утомленные дневным зноем ветки дерева и качнулся синеватый вкусный дым мангала у ближайшего ресторанчика. Волшебник рукой взмахнул ему вслед.

Ветер съехал к воде и покатыл по ней словно море было лугом, сквозь который пролегал проселок. Волшебник же остался наблюдать, как все ниже спускаются Сумерки.

Их было двое, один двигался с юга, другой – с востока, словно восток и юг были холмами, словно небеса загустели до такой синевы, что стали плотными.

Один был одет в сиреневые длинные одежды, клубящиеся и колеблющиеся, тонкие его волосы словно летели вокруг головы. Другой придерживал поднятый воротник длинного лилового пиджака, как будто ему было зябко, и в свободной руке нес перед собой неяркие шары огней, чтоб оставить их в саду, где до утра они просветят фонарями. Оттого, что он держал огни не над головой, а внизу, причудливо оттенялось его лицо и длинные прямые волосы. Чем он спускался ниже, тем огни его сильнее затмевали закат, который уже почти наполовину запад закутал в даль, как в одеяло. Взошла луна.

Захотелось сладкого и, несмотря на тепло, горячего – чаю или какао. Волшебник поднялся и пошел в сторону дома, который уже засветил в три стороны желтые арки окон.

По пути зачем-то купил тёплых душистых семечек. Немного пощелкал, но вспомнил, как вчера молочница запрещала своему мальцу грызть их натошак, да и в детстве то же самое говорила мама, и потому просто подбрасывал их в бумажном кульке, слушая, как они шуршат, пока шагал домой над набережной мимо череды скамеек под кустами дичающих роз. По ночам там жарко обнимались пары, поздним вечером сидели юнцы, а на закате – старики и мамыши с колясками. Сейчас мамыши уже развезли малышей по домам, юнцы из домов ещё не выбрались, и потому кое-где сидели только старики. Кого-то из них Волшебник знал с детства и здоровался, а кто-то смотрел сквозь него, и он понимал, что здороваться не имеет смысла – его не заметят.

Это началось два года назад, в конце мая. Он постепенно стал видим только для тех, кто знал его ещё ребёнком. Хотя продавщицы и вообще все те, кому он платил за услуги – как молочнице или мрачному дядьке, что возил в дом дрова, тоже видели его отлично. Так же он был видим почти всем детям, но иногда попадались и посторонние взрослые, его видевшие, остальные разве что не врезались в него на улице. Сам же Волшебник всех видел прекрасно и мог с любым заговорить, как говорил, к примеру, с Ветром.

Поначалу он, конечно, не обращал на это внимания, думал, мало ли, не заметили, не узнали – он же перебрался в дом за посёлком, одеваться стал несколько иначе, да и в самом посёлке появлялся не ежедневно. Но как-то летом, на набережной познакомился с приезжей. На следующий день катал её по заливам на своём шверботе, вечером пригласил поужинать, а ночью поцеловал у розовых кустов по дороге на её квартиру. Она ответила на поцелуй. У неё глаза были зелёные, и когда их губы разомкнулись, светились так, что ему захотелось рассказать ей не ту ерунду, которую обычно рассказывают все катающие отдыхающих девиц на шверботе, а о том, что же на самом деле его занимает.

Отпустить её тело не хотелось, не хотелось отпустить и взгляд, хотелось держать запах её висков близко к лицу... Однако торопить он не стал, и она это оценила. Хотя ей тоже не хотелось, чтобы он сейчас ушёл, оба чувствовали одно и то же – будет ещё завтра и после завтра, а может следующий понедельник, а может и следующий месяц, кто знает?

Наутро они встретились на пляже. Долго купались, он говорил о прозрачных безмолвных медузах, смешил и резал прохладный арбуз. Обедали в ресторанчике на набережной, и он повёл ее через посёлок, а потом по тропинке, сквозь жаркий запах трав, к дому.

Дом ей понравился ещё издалека. Он действительно был хорош – белый, южный, двух-этажный, с башней, садом вокруг, а с террасы вид на самое синее в мире море и на самые сонные в мире холмы.

Да и внутри дома было ей интересно. А как иначе – в доме жил волшебник, только этого она пока не знала, а потому ей просто нравились разные вещицы, необходимые его гостям, которые она посчитала экзотическими безделушками. Ей понравилось, что из пустого сейчас, летом, камина всё равно немного пахнет дымом, а из шкафов – чуть-чуть лавандой, что стены покрыты настоящей извёсткой. На террасе понравилось, что перила горячие, но не сильно, а в коридоре – что перед гостиной есть ниша, где можно было бы обвить ему шею руками, даже если бы сама гостиная была полна народу.

Чем больше она находила хорошего в доме, совершенно безмолвно её принявшем, тем больше ей нравился сам Волшебник. Она вдруг поняла, что ей вчера показалось в нем необычным – он был в шортах, но не в майке, как все в такую жару, а в рубашке с длинным рукавом и каким-то немного несовременным воротником. А ещё, что ему это очень шло.

Когда он открыл перед ней дверь кабинета, ахнула от того, в каком количестве и какими старыми, и вероятнее всего, дорогими здесь были книги. От стола, которому явно было лет сто пятьдесят, от всяких штук на этом столе. Однако её он подвёл к стеллажу с разномастными колбами и склянками. Она смотрела с интересом, он же начал рассказывать, как собирал их содержимое, где собирал и куда ему приходилось для этого забираться.

Поначалу её не удивило, что в узкогорлой замысловатой бутылке может храниться воздух позапрошлогоднего марта, но как в похожей на двухстворчатую ракушку шкатулке может содержаться грохот прибоа с южных островов, она уже не поняла. А он вдруг начал горячо говорить про то, для чего ему все это, и тут она перестала совсем понимать его. И ему верить... К чему это все, что это? Его слова стали для нее бессмысленны как воробьи у бордюра.

Волшебник осознал, что что-то не так, когда она смотреть начала словно бы сквозь стеллаж, да и его уже его будто бы слышала, а будто и нет. А потом она уже и смотрела сквозь него. Сквозь него, и сквозь стену дома... Он замолчал.

Её взгляд к нему так и не вернулся, она постояла мгновение, вздохнула, словно проснулась, и просто прошла мимо него сквозь стол, сквозь стену... Он изумлённо подбежал к окну, распахнул, хотел было крикнуть, но промолчал, сквозь ограду сада она пошла вниз, к посёлку, будто и не было за её спиной никакого дома и того, кто сейчас в нём остался у распахнутого окна, и чьи ладони на своей спине ей так нравилось ощущать.

Одиночество тогда надолго загостился в доме. Когда вошел, сразу, с порога, хотя Волшебник в коридор не вышел, сказал так, что разнеслось по всем комнатам:

– Волшебники есть там, где в их волшебство верят. – и без стеснения закурил свою папиросу.

Волшебник его не послушал тогда. На следующее утро отыскал её на пляже среди загорающих. Подошел, но снова она смотрела сквозь него на море и говорила подруге:

– Помнишь, вчера ходила гулять в холмы, за посёлок? Посмотри у меня в соцсетях, ты зря не пошла, очень красиво. Так я там заснула! Присела на минуту и не поняла, как задремала. И снилось что-то такое, приятное... – добавила она, переведя взгляд на горизонт, и повела загорелыми плечами, которых вчера касались его руки.

Он хотел что-то сказать, но у него не получилось. Да он и не знал на самом деле, что говорить, а потому ушёл. Той же дорогой – мимо скамеек под розами.

И сейчас, когда шёл, вспоминал это, но совсем без горечи. Не то, чтоб эти мысли шуршали в голове, как семечки в кулке – бесследно, но и не уязвляли уже.

– Вернулся!? Вот мать была бы рада! – раздалось вдруг справа и вслед за этим последовал радостный пьяненький смешок, – Вот молодец... Ну как там?

– Сергей Николаевич, – ответил Волшебник, всматриваясь сквозь сумерки в розовое даже в полутьме вечера лицо старика на скамейке.

– Сколько тебя не было? Ну как там, в этой твоей?.. Вот мать была бы рада! А когда же ты приехал из этой-то... – старик замолчал, почмокал губами, подвигался и, распространив вокруг себя лёгкий запах какого-то архаичного одеколona и алкоголя, довольно сообщил:

– Никак не запомню этой твоей географии, а ведь мы, как говорится, пол-Европы прошагали, пол-Земли!

Сергей Николаевич Трушин был в прошлом инженер и почти начальник, они с отцом вместе ездили на рыбалку и пол-Европы в той войне, на которую намекал, никак по возрасту прошагать не мог, потому что ходить начал только в 1946-ом, когда война уже кончилась. Но эхо той войны жило в нём, как и во всех его сверстниках, а может быть это они жили тем эхом. Но суть была не в этом, а в том, что Волшебника он видел только приложившись к рюмочке. Только хмельным на старости лет и верил в волшебство, а под Новый год – и в Деда Мороза, к чему, надо сказать Волшебник приложил руку.

Ежегодно, улучив время, 31-го декабря он заходил без спроса, незамеченным, в пустую стариковскую квартиру, из которой давно уехали дети и куда только летом иногда привозили невестки внуков, и оставлял на кухне еловую ветку, несколько мандаринов и крошечную, с палец размером бутылочку коньяку, а на 9-ое мая, на День Победы, банку тушёнки, горбушку черного хлеба и такую же – на двадцать пять грамм – бутылочку с водкой.

Эти внезапные подарки на кухне рождали и укрепляли в Сергее Николаевиче веру в чудесное, которой он пытался делиться со своими бывшими коллегами, с невестками, но слушали его только внуки. И, может быть, он видел бы Волшебника не только под хмельком, но и всё время, если бы его рассказам верили не одни только дети, но и остальные.

– Ну так как там у тебя, в этой твоей, как её?

– Пусть сегодня будет – Эстрамадуре, – ответил Волшебник.

– Точно! Забываю всегда! – обрадовался старик, – Вот мать была бы рада... – добавил он немного погрузнев, потому что вспомнил свою давно ушедшую в другой мир жену.

– Я пойду? – спросил Волшебник, которому стало неловко за Эстрамадуру.

– Иди, иди, – ответил Сергей Николаевич, – Я сам скоро пойду, вот посижу и пойду, июль вон какой, как внук мой, Сережка. Рыжий... Это в бабушку...

Волшебник кивнул, высыпал семечки прямо на плитки площади, чтоб утром их склевали голуби и, выйдя шагов на пять из-под фонаря над скамейкой, вытащил из кармана плоскую, похожую на портсигар коробочку. Раскрыл и вынул из неё осторожно похожую на золотистую пушинку искорку любви, которых много собирал тут же, у скамеек, когда мамы качали в колясках малышей, и пустил в воздух. Искра зависла на мгновение, а потом полетела к Сергею Николаевичу, опустилась на плечо и словно растворилась в его рубашке, а на самом деле в нём самом, от чего он глубоко вздохнул.

Чтобы пройти к дому, нужно было миновать три улицы и сквозь одчавший сад выйти на тропинку в холмы.

Сад считался одичавшим и ничьим – много лет никто не подрезал тут абрикосовых деревьев, бурно разрослась трава, и дети почему-то не играли в войну, а влюбленные, как это ни странно, не уединялись здесь на ветхой скамейке, его давно обходили стороной, хотя и цвел этот сад весной, как никакой другой. Первыми из плодовых начинали старые миндальные деревья, их едва розовые цветки на фоне серых веток были похожи на улыбки седых суровых старух. Потом цветом покрывались корявые персики. Их киноварные побеги беззастенчиво распускали бутоны тропически-розового оттенка прямо в ещё серое, по-жемчужному прохладное

небо. Следом начинали всеми своими лиловыми ветками и веточками цвести абрикосы, они буйствовали неделю, и между ними белоснежно кипела алыча. Дальше акация, сама собой выросшая здесь, благоухала половину июня, и потом до середины сентября стоял густой аромат разнотравья. Но ещё в феврале, предваряя эту буйную пляску, тонко пахли кусты татарника. Чтобы запах крошечных цветочков был заметен, его желтым голым прутьям нужно было озябнуть, как будто только острие тонкого холода способно было кольнуть обоняние так, чтобы оно ощутило застенчивый аромат, так же, как серебряная искра иная на буром павшем листе колет и привлекает взгляд.

Сейчас здесь было почти темно, в траве перекликались сверчки, вдоль холмов куда-то прошел Ветер, Волшебника не заметивший, оттуда пахнуло полынью и теплой рассыпчатой глиной, внезапно зацокала и так же внезапно замолчала цикада.

– Это правда! – вдруг услышал Волшебник от деревьев справа, и кто-то назвал его по имени, которым он сам уже почти перестал себя называть. – Так это правда, что говорят...

Волшебник присмотрелся: «Ну ладно старик Трушин, но этот? Меня видит... А я-то его сколько не видел!?» – промелькнуло у него в голове и, сделав шаг, он спросил:

– Юра? Юрка, Пономаренко?

– Так это правда... – со странным удивлением и даже надеждой снова проговорил Пономаренко, – то, что говорят?

– Что говорят, кто говорит? – снова спросил Волшебник и улыбнулся, ему стало чертовски приятно вдруг увидеть друга детства и одноклассника Юрку!

Сколько вместе они бродили вдоль моря, лазали по деревьям, мечтали и орали, купаясь у пирса! А потом как-то всё разошлось по разным колеям. Юрка поступил, уехал, стал почти стёршимся воспоминанием – просто частью детства. Они не виделись, наверное, лет пятнадцать. Да и Волшебник стал другим, и вот, здесь, почти ночью, в этом июле...

– Сколько не виделись?!

– Давно! – встрепенулся Юрка и опять, как заклинание произнёс: – Так значит – правда?

– Да ты что заладил? Что правда-то!? – весело спросил Волшебник.

– Ну... Люди про тебе говорят, некоторые...

– Да что...

– Что ты не совсем простой! – перебил, как в детстве, Юрка, но было видно, что это далось ему труднее, чем пятнадцать лет назад.

Волшебник не ответил, да Юрка и не ждал ответа. Словно переступив черту, он вдруг быстро заговорил:

– Я же как уехал, здесь появлялся только раза два, у матери, а потом она сама к нам ездила. Я женился же... Ты не куришь? Я тоже – бросил. А когда приезжал, тебя не заставлял. Ты куда уезжал?

– Да так, – ответил Волшебник, – везде был. Недолго...

– А потом встреча выпускников была, кто в столице живёт, мы там и встретились, нас там человек десять! И кто-то старые фотографии школьные принёс, мы всех вспомнили, а тебя нет... А потом жена ушла! Я фирму потерял! Что о голове говорить! Я сюда к матери приехал, нигде места нет! Просто ушла, без объяснений! Господи, я люблю её так! Не могу!... – вдруг снова сник Юрка.

Волшебник молчал, а Юрка придвинулся ближе, несвеже дохнул в лицо и зашептал:

– Помнишь дуру Букову? Она мне на набережной сказала, чтобы я к тебе шёл, только ты поможешь. Поможешь же, правду ж говорят? – снова с собачей надеждой спросил Юрка.

Марину Букову Волшебник прекрасно помнил, и душой она не была, но в классе была двоечницей, считалась самой странной, толстой, осталась старой девой и упрямо видела Волшебника. Всегда. И всегда здоровалась. И он с ней раскланивался, когда заставлял ее у моря

поутру, где она в любую погоду гуляла с таксами. Поклон она принимала как должное, словно всегда, с первого класса, знала, что он именно так и должен здороваться.

Волшебник почесал переносицу. С минуту пристально осмотрев Юрку, его майку с какой-то аляповатой надписью, вынул из кармана свою напоминающую портсигар коробочку, раскрыл, достал пушинку любви и пустил в воздух. Искрясь, она полетела на разом смолкшего и втянувшего голову Юрку и коснулась его лица. Потом, словно раздумывая, облетела, присела на плечо, но поднялась, коснулась волос и вдруг, отлетев, словно её сдуло, погасла между ветками. Волшебник вынул ещё одну пушинку, но она даже не полетела в Юркину сторону, а зависнув между листвой, почти сразу потерялась в звездных бликах.

– Так правда!... – выдохнул Юрка, – это правда...

– Нет, – вдруг ответил Волшебник, в горле у него собралась горечь, он сглотнул и ещё раз повторил слегка дрогнувшим голосом. – Нет.

Юрка с мгновение смотрел на него, потом словно сквозь него, а потом вздрогнув, удивленно заозирался, развернулся и пошел. За ним, от кроны к кроне, не приближаясь, поплыла, едва посвёркивая, пушинка любви.

Волшебник остался стоять.

«Как, как я могу помочь тебе, если сам себе ты помочь не хочешь!? – думалось ему, – Старый Трушин влюблен в свою умершую жену! А этот живую не любит. Ему нужно буквально ей как вещью – владеть. Как помочь, если к нему не пристаёт, даже не подлетает любовь. Что там с ним произошло в столице? Он же просто хочет иметь!»

И вдруг, резко, как через микроскоп, Волшебник увидел: тысячи, тысячи хотят просто иметь. Вещи, жен, детей, статус... И редкие из этих тысяч сами отдают себе отчет, сами понимают, зачем им это имение. Хотят по инерции – много тысячелетий так было заведено: любовь, жена-муж, дети, дом, всякие штуки в нём, сейчас машины, раньше лошади... И ещё страшней – от этого непонимания, от этой инертности, один шаг остался до полного отторжения такого понятия как любовь. Шаг до страсти иметь, потреблять не просто все вокруг – этот шаг давно уже сделан – шаг до необходимости потреблять друг друга.

Почему никто из поселка не ходил в этот сад?! А потому что, хоть и был он удивительно, удивительно прекрасен, им нельзя было владеть.

В воздухе, среди разнотравья, почудился запах папиросного дыма, что распространял вокруг себя Одиночество. Волшебник развернулся и торопливо пошел мимо стволов.

– Оставь, нет, нет и всё! Какие ещё объяснения?! Почему? Скажи, почему я должен их давать, хоть бы и тебе? Да вообще, хоть кому?! – услышал он вдруг за кустами. Осторожно приблизившись, отогнул ветку. На крошечной прогалине в монументальном кресле сидел маленький сморщенный человечек. Его усыхающее лицо болезненно кривилось, роскошный желтый халат казался слишком большим, колпак с великолепной кистью наехал на уши.

– Но мы же обещали... – несколько беспомощно отвечал кто-то светящийся, облакачиваясь спиной на недрогнувшие листья.

– Обещали... Да, обещали. Но сходишь один! В конце концов! В чем дело?!

– Но как же... Как – один?! – почти с отчаянием проговорил его собеседник, отрывая от листьев свою переливающуюся серебром фигуру и нервно хватаясь тонкой рукой за бледно-голубой, почти белый атласный бант на шее. – Ну нас же все ждут, нас все ждут, нас ждут двоих, вместе! Нас ждали давно! И теперь...

– А теперь ты идешь сам, – упрямо проговорил сморщенный человечек. – Что ты так расстроился? Ну не хочешь идти один, сошлись на тучи, ты же Лунный Свет.

Лунный Свет отвел в сторону свое удлинённое лицо, всплеснул руками и воскликнул:

– Какие тучи?! Да что стряслось?

– Я себя плохо чувствую, – ответил человечек и глубже забрался в свой халат.

– И что? Я тоже плохо тебя чувствую, и...

– Вот, – уже не упрямо и тихо ответил человечек. – Вот! – повысил он голос и патетически воздел палец, – Какой смысл Лунному Свету приходить вместе с Цветочным Запахом, если Цветочного Запаха никто толком не чувствует?

Лунный Свет наконец развязал бант, тот стек с его шеи и засветился на земле. А Цветочный Запах продолжал:

– Видишь, видишь, на что я стал похож? Как стручок! Меня почти нет, а всё сорванец этот, Июль! Никакого сладу, он высушил всё! Из-за него воздух, как пересушенный корж, рассыпа-ет-ся! И что? Меня нет! Я тону в собственном халате, куда мне идти, кому показаться?! Я такой, в такую ночь, которой так давно ждет всё!

– Но что же делать?! Ведь море, степи, города, горы... Звезды ткали занавес... Что же делать?!

– Что делать... – обреченно повторил Цветочный Запах, опустив лицо. Затем, помолчав, поднял глаза, почти скрытые колпаком, и тихо сказал: – Роса...

– Что – роса? – механически спросил Лунный Свет и тут же воскликнул: – Нет! И так энергично взмахнул рукой, что всколыхнул серебром ветку над головой.

– Но, друг мой, для дела, – с подозрительным энтузиазмом быстро проговорил Запах. – Две-три рюмки могут вернуть мне бодрость! Ты знаешь...

– Нет! Мы же говорили!

– Но нас ждут. Нас ждали столько времени, и эти надежды мы не оправдаем?

– Но как же так?! – явно сдаваясь, ломая руки, воскликнул Лунный Свет. – Да и где достать сейчас росы? Жара дикая...

Сказав это, он заходил из стороны в сторону, прокручивая серебряное кольцо на длинном пальце.

– Волшебник, – невозмутимо ответил Цветочный Запах. – У него всегда имеется. По крайней мере, мне он никогда не отказывал...

Лунный Свет охнул, Волшебник отступил на шаг и, развернувшись, сломя голову побежал в сторону дома.

Запахавшись, добежал до ограды. Лунный Свет уже был на террасе и вглядывался сквозь сплошь застеклённые двери в комнаты. Волшебник кашлянул. Лунный Свет оглянулся. Прямо через ограду Волшебник влез в садик и поднялся на террасу.

Лунный Свет протянул ему руки, от чего тени, коротавшие здесь ночь, спрятались за колонны, и, страшно смущаясь, проговорил:

– Э-э, доброй ночи. Э-э-э, простите, прошу покорно, видите ли, такое дело... Такая ночь, а господин Цветочный Запах не в себе, как бы сказать, не в духе... А нас ждут, ну да вы, словом, знаете...

Волшебник, открывая дребезжащую створку двери, не без лукавства спросил:

– Конечно. Я могу помочь?

– Ну да, то есть вы-то, собственно, нет, но, словом, да... – замялся Лунный Свет и, пройдя сквозь стекло второй створки в комнату, вдруг нервно выдохнул: – У вас есть роса? Одна бутылка...

– Конечно, – совершенно просто сказал Волшебник: – Какую предпочитаете, утреннюю или вечернюю?

– Вечернюю, – совсем смутился Лунный Свет.

– Прошу вас, – кивнул на стол Волшебник, где уже стояла длинная мерцающая бутылка, заткнутая деревянной пробкой.

Лунный Свет, не зная, как поступить, просто сказал:

– Благодарю, – и вышел, тихонько звякнув стеклом бутылки о стекло двери.

Полная Луна, полная властительница на три ночи, выплыла из-за горизонта. Ее лицо улыбалось, она шествовала по-королевски. Звезды раздвигали перед ней темные занавеси, где на черном черным были вытканы цветки, листья и бабочки.

Она наклоняла лицо морю, горам, лесам и полю, она глядела в города: дома выстраивались в линию, деревья склоняли кроны, она тревожила своим светом сны и воды. И воды, воды всех морей и океанов стекались сейчас к берегам свидетельствовать о ее могуществе.

Сверчки выходили, чтоб встретить и сопровождать. Всё в ночном мире двигалось за ней вслед, в её подчинении, и только двое предшествовали ей.

Тонкий и высокий, серебряный мерцающий Лунный Свет, рядом с которым шагал уверенно и широко длинноволосый, плечистый, хмельной от росы Цветочный Запах. Скинув халат и обув подбитые лепестками башмаки, он оставлял благоухающий след там, куда влекли его вечерняя роса и безудержная вечная молодость жизни.

Туда, где в тени, сжимая ладони друг другу, сидели пары, где в ночных полях фыркали кони и где у раскрытых окон матери склонялись над всхлипнувшим малышом! И всюду с ним шел Лунный Свет, мягкий, чуткий...

Волшебник вышел на террасу. Замерев и склонив перед Луной головы, стояли тени. Звуки, что были неподалеку от дома, перекликались негромко, переходили с места на место и позванивали колокольцами, вместо кистей свисавшими с их мягких шляп. Ночные бражники тяжело порхали над белыми цветками клумб.

Облокотившись о перила, Волшебник встречал Луну.

– Чудо, а не ночь! Верно? – услышал он глубокий женский голос, шедший словно бы отовсюду, и вздрогнул. А голос меж тем продолжал:

– Сколько таких ночей, и все равно каждая – чудо...

– Вы можете испугать, – сказал Волшебник, не поворачивая головы. Он понимал, что его собеседница сейчас есть всё, что его окружает.

– Могу. И даже вас, – ответила она просто.

– О да, мадам— проговорил Волшебник. – Тьма, первая, вечная и настоящая.

– Тьма, – повторила она, растворяясь эхом, позволяя Луне создавать из себя цветы, верхушки деревьев, гряды холмов на западе, глубину неба и полированную ширину моря.

Была такая игрушка, а может, есть и сейчас – плоский пластмассовый диск, прозрачный с одной стороны, а внутри диска круглый лабиринт с тремя шариками, которые, вращая диск в разных плоскостях, нужно было собрать в углубление в центре. Сделать это было непросто, иногда удавалось загнать туда один и даже два шарика, но пока подгоняешь оставшийся, те обязательно выкатывались, и приходилось начинать сызнова.

Иной раз утренний сон похож на такую игрушку: вот-вот удастся вопреки пробравшемуся в комнату настойчивому Лучу собрать растекающиеся шарики сна, но они тут же раскатываются и сон, теряя смысл, расползается, и нет больше желания его смотреть, и от этого сами собой открываются глаза, в которые смотрит этот самый настойчивый Луч.

Волшебник вспоминал об этой игрушке и сравнивал ощущения, сидя у стола. Проснулся он давно и теперь завтракал в огромной кухне, в которой, хоть она и располагалась в подвале, утро наступало раньше всего, потому что низкое кухонное окно чуть ли ни самым первым принимало рассвет.

Гренки сегодня Волшебник глотал почти не жуя – торопился на берег. Отчаянно хотелось столкнуть свой небольшой швертбот в воду, это было крайне необходимо для одного опыта.

Наспех покончив с завтраком, сбежал к морю, свернул к лодочным гаражам и, подготовив лодку, разобрал веревки, оттолкнулся. Ширина простиралась перед ним, воды не колыхались

спокойные, как икона, лишь кое-где Ветер трогал их пальцем. Далеко справа, на пирсе, маячила женская фигурка в красном, а лежаки между волнорезами были почти пусты.

Волшебник ждал, когда его отнесет подальше. Дышать хотелось много и дышать было вкусно. Вода обтекала корпус лодки. Не слышалось ни всплеска, словно море не чувствовало на своей ладони лодку или, может, чувствовало, но, разнежившись в жемчужном утре, пока не желало проснуться.

Поднялась и, чиркнув гладь клювом, низко над зеркальной водой полетела чайка, отразилась в зеленой воде ее серые крылья. Солнце выше подняло голову, и вдруг сразу, будто солнце ими руководило, грохнули цикады – молодой день вышел на просторы. По пояс в акациях, молодой день опирался на облака и глядел в море.

С берега в море на одной ноге прискакал Ветер, сегодня совсем не такой, как вчера. Он вообще часто менял облик, настроение, возраст и характер. За все их знакомство Волшебник привык к этому и всегда был готов принять Ветер любым, каким бы тот ни был. Сегодня Ветер был шестилетним мальчуганом в белой майке и с мягкими выющимися, едва-едва голубыми волосами. Сачком он ловил блики на воде. Подскочив к лодке, кинул в нее сачок и через борт потянул руки к Волшебнику. Тот поднял его и усадил на банку рядом с собой.

Когда Волшебник держал его на весу, им овладело странное ощущение, объяснить которое было трудно: как объяснишь, что чувствуешь, когда держишь на руках Ветер? К тому же сам Ветер не дал времени над этим задуматься:

– Ты куда? Кататься? Я с тобой!

– Мне понадобилось немного простора для опыта.

– А мне – сказка, – сказал Ветер, болтая ногами.

Паруса ожили и вострепнулись, под бортом заговорила вода, от кормы таяли в зеленой воде усы пены.

– Какая сказка? – спросил Волшебник, набивая грот и выравнивая швертбот на курсе. – Тебе раньше их было известно больше, чем мне.

– Ну, раньше... Когда было-то это раньше?

– Вчера, – улыбнулся Волшебник, опираясь одной рукой о борт.

– Я хочу не вчерашнюю, а сегодняшнюю сказку! А я буду тебе помогать – трогать эти веревки!

– Лучше не надо. Давай рассказываю я, а ты не трогаешь веревок.

– Ладно, – кивнул Ветер, глядя в сторону, где далеко, у края берега, флотилия рыбацких лодок опускала сети в прохладную глубину.

– Оставь рыбаков в покое, на тебе вот, – сказал Волшебник и вынул из кармана шоколадный батончик.

– Угу, – с набитым ртом промывчал Ветер и немного заерзал, отчего паруса сначала обмякли, потом хлопнули и сильнее надулись. Лодка пошла быстрее, накренилась, пара соленых брызг упала Волшебнику на лицо, он налег на румпель, чтобы откренить швертбот, и начал:

– Когда-то, за тем мысом, на котором стоит наш Маяк, в бухте, под зелеными волнами жили две сестры...

– Сестры под волнами не живут!

– Эти жили, они русалки...

Ветер благосклонно качнул голубоватыми кудрями, а Волшебник продолжал:

– И вот в лунную ночь они вышли на берег...

– Как они вышли на берег, у русалок ног нет!

– У этих были, и они вышли на берег посидеть на серебряных от звездного света камнях.

Волшебник немного замешкался, стараясь придумать, что же их привело на камни под звездный свет.

– Ага, – пробормотал Ветер, впрочем, не слушая. Все его внимание теперь уже захватили рыбаки, которые шли на своих лодках под согласно стучащими моторами в сторону мыса.

– И вот...

– Ну ладно, я пошел! – перебил Ветер, выскочил на ходу из лодки и поскакал к рыбакам.

– Иди, – сказал Волшебник и немного ослабил шкоты.

Хо́да уменьшились, но от скачков Ветра шла воздушная волна, которая и катила Волшебника к горизонту. Море из-под кормы выкатывалось зеленым, шумело, журчало, хлопало в звонкие ладоши, упиралось ими в руль, к дали голубело, еще дальше синело и потом блистало тысячами искр.

Донесся рыбный запах. Это Ветер настиг рыбацкие лодки и стал вокруг них носиться и брызгать рыбакам на покрасневшие от солнца шеи. Те курили, пряча от него огоньки сигарет в кулаки и не отрываясь смотрели на берег, ради которого ходили в море.

Чайка давно поднялась в небо, стояла, опираясь на высоту крыльями, и смотрела вниз. Там все виделось ей вогнутым блюдом – одним краем загибалась желтая и тускло-зеленая горячая суша, другим синь воды поднималась к сини неба, а в самой середине, под крыльями, на лодке с опущенным парусом Волшебник набирал в бутылку простор, которого от этого не убывало.

К причалу Волшебник вернулся около одиннадцати, стоял у наполовину вытащенного на берег швертбота в джинсах, закатанных до колен, но все равно намокших, и сматывал шкоты. У причала было пусто. Сияло солнце, блистал песок, и из-под невысокого свайного пирса слышались голоса и смех.

Опустив на дно смотанные шкоты, вытащив мачту и подтянув лодку как можно выше, Волшебник заглянул под пирс.

Вода между сваями была зеленой. Это она смеялась и плескалась оттого, что непрерывно перебивающие друг друга желтые Лучи рассказывали ей что-то, приплясывая на бетонных сводах. Пахло водорослями.

Вода, увидав Волшебника, на мгновение смолкла, но потом захохотала вновь. Лучи же, только кивнув, все так же переговариваясь, увлеченно продолжали плясать ей на потеху замысловатую джигу.

Как был в джинсах, Волшебник вошел в Воду и она обняла его. Набрав воздуха, он погрузился в нее полностью и будто вместе с собой погрузил тишину всего мира... Лучи, оттолкнувшись от серого бетона, тотчас скользнули за ним! И когда он раскрыл глаза, они уже здесь заглядывали в лицо. Он поплыл, Вода запустила пальцы в его волосы. Лучи то отставали, то догоняли, сияли в сиреновой мгле, ложились на песок, на водоросли и камни.

Все дальше и дальше, вдоль поросших мидиями свай, Волшебник продвигал свое тело. Вода стала напоминать о себе, о своей власти. Ее объятия, такие мягкие вначале, становились крепче, тяжелее. Все теснее она прижимала к своему лону, стискивала, и вдох из легких норовил вырваться, уйти из груди, наверх, навсегда, из этих чуждых ему объятий. Волшебник, повинаясь его неодолимому желанию связаться вновь с частицами своего невесомого братства, выскочил на поверхность, шумно выдыхая!

Эхом отразился от серого настила его выдох, плеснула волна, закружилась хрупкая пена. Вода в упор, молча смотрела ему в глаза своими непроглядными зрачками, но лишь мгновение. Затем отвернулась и вновь принялась хохотать Лучам, которые как ни в чем не бывало продолжали свою пляску.

Волшебник по красно-бурой от ржавчины лестнице выбрался на пирс. По нагретому бетону за ним растекались лужи, джинсы липли к ногам, одна штанина раскаталась, и он закатал ее вновь. За волнорезами уже всюю гомонили отдыхающие. Достав из лодки шлепанцы и сумку, в которой лежал образец простора, он, похрустев песком, вышел за ворота лодочных гаражей, и обувшись, скоро пошел в сторону дома.

Купание освежило. Настроение было таким, когда даже провал в опыте воспринимается как результат и только подстегивает любопытство и желание дойти до конца. Сейчас больше всего ему хотелось попасть в кабинет, заняться формулой золотой грусти. Вернее, формулу он уже вывел, только лабораторные опыты не приводили к задуманному. Грусть получить удавалось, но она выходила то сиреневой, то серебряной. Однажды вышла багряная с золотыми искрами, и он случайно вдохнул из колбы выходящий легкий дым, и от этого, и от очередной неудачи на него навалилось, словно ватный ком, раздражение, в котором, однако, мелькала золотой искрой надежда.

И вот он был готов пробовать снова. Понял, что для получения светлой, золотой, не замутненной тяжелыми реакциями грусти нужна надежда, и в течение нескольких недель собирал её элементы. Наконец последний – шестнадцать капель сияющего простора, был добыт. Приступить хотелось так, что по спине пробежали волной мурашки. Наскоро переодевшись, встал перед стеллажом, содержащим коллекцию. День тихо подглядывал сквозь шторы, не мешал.

Расставив на широком столе все необходимое, Волшебник начал.

Прежде всего предстояло получить, как уже говорилось, надежду. Волшебник полагал, что она должна быть абстрактной – не надеждой на что-то конкретное, не верой в лучшее, не ожиданием – просто оттенком мысли о том, что всегда может произойти что-то хорошее и не совсем обычное.

И здесь нельзя было попасть впросак с цветом, нужно было получить надежду слегка фиолетовой, ну, в крайнем случае – дымно-сиреневой.

Руки у него немного дрожали. Он налил в реторту отражение паруса, специальной длинной ложечкой достал из каменного горшочка чуть праздника, добавил тягучего ожидания, для правдоподобия – немного тревоги, для чего из стеклянной коробочки, похожей на крошечный аквариум, выловил три капли прошлогоднего дождя, ползавших там, как серделиковые улитки. И принялся смешивать, добавляя добытый сегодня простор.

Постепенно состав начал приобретать опаловый оттенок, медленно, но верно становился однородным, испускал легкий свет, но этого было недостаточно, это было всего лишь каким-то полуфабрикатом надежды! Волшебник отставил состав, зашагал по комнате.

И тут его осенило: цвет! Конечно же цвет, что же еще?!

Он бросился к стеллажу. С самой нижней, почти вровень с полом, полки схватил глиняный сосуд с плотной крышкой. Сорвав ее у стола, отпрянул, потому что из горлышка под потолок вырвалось разноцветное прозрачное сияние! Оно искрилось, переливалось таким сильным светом, что даже День отодвинул лицо от окна. Все испускающее свет отвернулось, спасовав перед этим концентрированным раствором радуги.

Волшебник не мешкал. Из кувшинчика на письменном столе выхватил кисть, обмакнул в сияние с той стороны, где оно переливалось фиолетовым, и мгновенно опустил напоенную свечением кисть в состав. Перевернул песочные часы и, затаив дыхание, впился взглядом в реторту. Все в комнате замерло вместе с ним, только продолжала на потолке переливаться светом радуга и тек, тек песок в своем стеклянном узилище, отражающем покатым боком радужный блик.

В реторте что-то шевелилось, будто утренний туман, жило и двигалось, но медленно, как бы нехотя. Состав надежды хоть и стал сиреневым и чуть светился, но жил едва-едва, каждую секунду готов был угаснуть! А песок между тем сыпался, и Время, Время шло. Сжимая пальцы, Волшебник мысленно умолял мгновения не торопиться, слепить между собой песчинки секунд, чтоб они ту же просачивались из одной колбы часов в другую... Но Время было неумолимо.

Волшебник выскочил в коридор, оттуда в прихожую – будто там был кто-то, кто мог помочь ему! Ощущал, что решение не одно, их много, они рядом, чуть ли не за спиной! Но стоит лишь повернуться, как они разбегаются и прячутся за корзиной для зонтов.

Внезапно он остановился перед зеркалом и увидел их. Решения кучно стояли за его спиной. Были простые, были сложнее, но все – верные. Он видел их довольно отчетливо, какие-то лучше, какие-то хуже, и за одним, за тем, что стояло впереди всех, стал следить пристальнее.

Что же это? Что? Волшебник прижал ладонь к лицу. Решение сморщилось, затрепетало, исказилось. Волшебник перевел отчаянный взор с него на свое отражение, смотря в свои же глаза, он шептал:

– Думай же! Мысли!

И тут его осенило – мысль! Смысл! Ну конечно! Вот тот компонент, которого не хватало! В надежде всё таки должен быть смысл.

Опрометью он бросился обратно в кабинет, песка в часах оставалось меньше половины. Волшебник лихорадочно искал способ добавить смысл в раствор!

Для чего он затеял эти опыты? Ради любви к науке? Ради интереса разума? Утолить свое желание разобраться в сути вещей, научиться раскладывать их на элементы, компоновать заново?! Какая польза от его открытий, от этих составов, кому?!

И снова его осенило! Верно! Вот оно – «польза кому»?! Вот зерно его изысканий: они должны приносить пользу, а не просто утолять его досужее любопытство!

Он нашел способ оживить надежду, он понял смысл надежды, он понял, что даже самая легкая, она не может быть абстрактна, всегда в ней есть что-то личное!

Но как добавить в нее это самое личное, как добавить смысл в состав? Написать на бумаге? Растворить чернила?!

Он схватил перо, окунул в чернильницу, черный неукротимый крошка не желал ложиться словами! Вышла грязь, клякса... Не то! А песок таял.

Волшебник в отчаянии шарил глазами по комнате, и вдруг его взгляд уперся в компьютер, не отдавая себе отчета, он подскочил к нему, нажал на кнопки! Не торопясь, компьютер ответил ровным огоньком, Волшебник лихорадочно набрал «ПОЛЬЗА». Слово ровно засветилось на экране. Оно – там, но как бы отразить его в составе?!

Точно, отразить! Из ящика стола Волшебник лихорадочно выхватил небольшое зеркальце, которым иногда играл с Лучами, поймал в него отблеск набранного на экране слова и, затаив дыхание, направил на реторту.

Ничего не произошло.

«Как же тебя спасти?! – думал Волшебник, вглядываясь через стекло реторты в тускнеющий состав, – Ты же живое... Отдать тебя кому-то, кому ты нужен? Юрке отдать, однокласснику... Тому, кто нуждается!»

– Отдать тому, кто нуждается! – прокричал он реторте, – Тому, кто нуждается... – и уставился на её стекло.

Сначала ничего не происходило, состав так же едва-едва дышал, похожий на усыпавшую рыбу, все тяжелее и тяжелее шевелящую жабрами. Но вот, сперва цвет начал становиться светло-фиолетовым, состав задвигался, начал переливаться и засветился. Получилось!

Половина, пожалуй, самая сложная половина опыта удалась. Дальше – техника: предстояло отдельно смешать безмолвие сентябрьских холмов, прохладу аллеи и пепел ожидания. Это Волшебник сделал быстро и четко, проделывал из опыта в опыт. Оставался заключительный этап, самый простой, но основной. Волшебник вынес на террасу две реторты: одну с живой надеждой, другую – с только что полученной смесью, поставил их на мраморный столик, и чуть не опрокинув чашку с чьим-то недопитым кофе, расположил большую колбу.

Между тем День из юного превратился во взрослого, смотрел на мир, будто на ребенка, и сила его чувствовалась так, словно он состоял не из далей, а из плоти. Пахло травами, Цве-

точный Запах, невидимый, но вполне ощутимый и все еще хмельной, не нашагавшись ночью, бродил где-то рядом. Море переливалось, светясь, обнимало берег и целовало его украдкой синими губами. Сияло солнце, Звуки в кронах скакали как белки. Волшебник начал сливать в колбу из двух реторт.

До капли вылив всё, поднял колбу над головой, посмотрел сквозь неё на солнце, и когда Солнечный Луч, наклонив блистательную фигуру, погрузил в нее свой тонкий светящийся палец, состав из сложной надежды и легкой грусти наполнился золотым сиянием, ожил – грусть утолилась золотом надежды.

Но стоило ли настаивать состав? Пытаться в лабораторных условиях сохранить то живое, что вышло? Живое не движением, не шевелением, не мириадами каких-то бактерий и даже не переливчатым свечением – живое пульсирующим смыслом.

Волшебник не знал. Просто смотрел сквозь стекло колбы и понимал, что золото этой грусти будет жить, пока он сам знает, верит, что ее нужно отдать кому-то, пусть даже и Юрке. Заместить ею, легкой, мутную печаль в чьем-то сердце. Но стоит ему забыть об этом, стоит разувериться, как это чудесное невообразимое существо, вызванное им к жизни, умрет, задохнувшись в стеклянных стенках помутневшей посуды.

Какая ответственность – дать жизнь! Не купить на птичьем рынке за рубль, нет, дать, словно ребенку, но знать, что младенец этот всегда останется грудным, что нельзя о нем забыть ни на мгновение!.. Только матерям знакомо это чувство, матерям, для которых дети не вырастают никогда. А что же выходило?!

– Мой Бог! – думал Волшебник вслух. – Значит, все страдания, терзания, комплексы, все, что живет в каждом человеке, словно страшная мокрица, – это действительно «мокрица», это – живое! Страшное, копошащееся живое существо, которое само собой, словно в колдовской колбе, создается в сердце из разных компонентов, из звуков, ощущений, впечатлений и запахов, прикосновений и мыслей развивается там и существует, жуткий сожитель...

Бог мой! Я вижу перед собой суть новой науки, нового врачевания! Я могу заместить эту «мокрицу» своими составами... Но тогда в квинтэссенции каких знаний мне нужно совершенствоваться?!

Или оставить все как есть? И на уровне искусства собрать эмоцию, словно букет, чтобы украсить ею собрание, подарить приятному человеку?

Такие мысли теснились в его голове, напознали одна на другую, как могильные плиты на полу старой армянской церкви. Нужно думать, «крепко думать», как говорил кто-то из забытой книжки. Только одно он знал точно: остановиться на пороге ему не удастся.

Он занес живущий, ничего, кроме своего смысла, не ведающий состав в дом, поставил на стеллаж, угнездив доньшко колбы в специальное углубление, и закрыл крышкой все еще сияющий сосуд с радугой. В кабинете померкло, словно на комнату навалилась тяжесть, которую чувствуют на своих плечах все имеющие знание, а значит и ответственность.

Внизу, у моря, тараторили лодочные моторы, стрекотали мотоциклы, группа людей шла мимо ограды в холмы. Захотелось безмолвия. Полный утешительный кубок мягкого напитка. Словно в безмолвии и мысли замолчат.

Волшебник вышел из кабинета, чтоб подняться в башню и там, у крошечного окошка, на пыльном старом стуле смаковать глоток за глотком тишину. Он прошел коридор и из прихожей уже начал подниматься по поскрипывающей лестнице, как входная дверь отворилась, на мгновение внутрь дома проник пристальный взгляд Севера, и в проеме предстал Воздух.

Он, вероятно, шел с холмов. От прогулки был свеж и с порога, без слов, бодро заключил Волшебника в теплые объятия.

Затем отстранил от себя большими руками, осмотрев с головы до ног сияющим своим взором, промолвил вместо приветствия:

– Что, старина, стало быть, вы снова крадетесь в свою пыльную голубятню?! – и захохотал.

От этого смеха, сочного, вкусного, Волшебнику тоже захотелось улыбнуться. К тому же он знал по опыту, что глотнуть безмолвия теперь не удастся.

Воздух же, не отнимая ладоней от плеч Волшебника, продолжал:

– Ну, что вам Июль? Заставил и меня порядком попотеть! Каков мальчишка, а?!

– Э... высушил траву... она хрупка, как прах... – зачем-то повторил Волшебник вчера сказанные у окна Тенью слова.

– Да?! – удивился Воздух. – Удивительно тонкое наблюдение! – Опять засмеялся и совершенно по-хозяйски повлек Волшебника по коридору в гостиную, которая одной застекленной стеной выходила на террасу.

Воздух, гость частый и желанный, совершенно просто расположился на большом «древнеегипетском» диване и привычно сложил ноги на «фараоновом» пуфике.

Когда он только зашел в дом, на нем была надета слегка голубоватая тройка в едва заметную серую полоску, бледно-сиреневая рубашка у воротника прихвачена была неброской бабочкой в горошек, которая, пока он говорил, превратилась в кремовую. Теперь же, после того как он оказался в другой, уютной атмосфере, его костюм изменил не только цвет, но и фасон.

Вместо ботинок образовались домашние туфли, брюки стали темно-синими и мягкими, пиджак незаметно перетек в какой-то шлафрок, удлинился и разошелся бы полами, если бы не темно-зеленые шнуры, удерживающие его на груди, бабочка расплелась в ленту, потемнела, стала тоньше и обвила шею как кашне. На голове сама собой объявилась небесно-голубая бархатная феска, слегка потертая, но с кистью.

Волшебник, всегда с вниманием наблюдавший за непредсказуемыми метаморфозами его костюма, и в этот раз упустил момент перевоплощения. Хотя и смотрел пристально, ожидая происходящего, но, как и всегда, не уловил границы перехода одной вещи в другую также, как никогда не мог уловить той грани, которая отделяла одно настроение Воздуха от другого.

Между тем, рядом с тахтой образовался красно-медный, с варварски-синей керамической колбой, кальян с витым киноварным шнуром и резным мундштуком. Воздух в несколько выдохов заполнил библиотеку сладким, как рахат-лукум, липким дымом, затем отбросил мундштук, порывисто встал, отчего исчезла с головы феска, а полы шлафрока укоротились изрядно, и, подскочив к двери на террасу, распахнул ее и воскликнул:

– Ну что ж это мы молчим, как шахматисты?

И мгновенно халат на его плечах растаял, осталась белоснежная рубашка с широким воротом, а штаны стали узкими и высоко охватили талию темным, как подворотни у порта, кушаком.

– Ну, говорите же, дружище, что вас потянуло в эту вашу голубятню?! У вас же там какая-то цитадель... – оборачиваясь, закончил он мягко, отчего его штаны слегка обвисли и стали шире, а фигура утратила воинственность.

– Да, словом, ничего... – ответил Волшебник.

И осознал, что действительно – ничего. Не то, чтобы появление Воздуха изменило что-то, но Волшебник в его присутствии вдруг ясно ощутил, что сомнений нет, нет несоответствий, они разбились на осколки о принятое решение. И в то же мгновение за стеной, в тишине кабинета, на полке с образцами, в колбе, вспыхнул ярким светом и сильнее забился сияющим сердцем полученный состав.

– Не выпить ли нам чаю?! – воскликнул Воздух. – А про ничего и разговаривать нечего! – добавил он и продолжал: – Но завариваю я, а не этот ваш бесплотный. С него только кипяток, заварка, непременно листовая черная, немного цейлонского розового перца, тростниковый сахар первой очистки, палочка коричневого дерева, мм... так... Да! И посуду! Не драконовую

экзотику с микроскопическими чашками и расплюснутым чайником – я из него проливаю половину, а высокий, хороший большой фарфоровый чайник! С пастушками. И чашки от него же! Словом, он знает, пусть дает весь тот сервиз, он стоит в буфете справа, его специально заталкивают в угол!

Волшебник, улыбаясь, кивнул и показал рукой на террасу, где на столике все уже было сервировано. Воздух удовлетворенно хмыкнул, и в его костюме стали доминировать неумовимые фисташковые тона, переходящие в охристые, почти золотые, повторяющие клонящийся к закату день, который скатывал к холмам солнце, и оно сквозь нежную акациевую листву светило как раз таким неумовимо фисташковым и охристо—золотым светом.

– Может, чего-то более существенного? – спросил Волшебник, сам ощутив вдруг голод. – Вы не проголодались?

– Нет, друг мой, благодарю! Я сыт вот этим, – Воздух окинул взором окрестности, открывающиеся с холма, принимаясь волховать над чайником.

Крутой кипяток слегка подсластил коричневым сахаром, дал ему постоять и вложил несколько свернутых в трубку листов чая, а пока чай заваривался, принялся обстругивать крошечным острым ножиком корицу, настрогав с четверть блюдца, сыпал осторожно в заварку и, прикрыв крышечкой, сказал:

– А перцу положим потом – почти перед тем, как будем пить, хотя некоторые предпочитают его класть непосредственно в чашки.

Волшебник кивнул и принялся за суп с гренками, которые плавали крошечными коричневыми лодочками в крапинах растительного масла.

– Пройдусь-ка по саду! – сказал Воздух и через перила, как бретер, спустился к клумбе с мальвами. Слышно было, как взвизгнула там внизу Тень, и Воздух снова захохотал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.